

Летопись о Тамерлане

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 24 января, 2025

Летопись о Тамерлане ЛЕТОПИСЬ О ТАМЕРЛАНЕ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

В запасниках Худжандского исторического музея в Таджикистане отыскивались редкие записи дервиша Мирзо Якуба Худжанди, которые до сего времени считались утраченными. Знакомство с ними высветило одну из самых мрачных эпох в истории Средней Азии. Ценность записей заключается в их непредвзятости. Редко кто из биографов великих людей был столь объективен, а, пожалуй, даже суров по отношению к тем личностям, которые были в центре их повествований.

Так кто же такой дервиш Мирзо Якуб Худжанди и в чём ценность его строк, которыми покрыты листы плотной желтоватой бумаги, привезённой из далёкого Китая?

Дервиш Мирзо Якуб Худжанди странствовал по свету в XIII веке христианского летоисчисления, нигде, ни в одной стране, не задерживаясь подолгу. Как шар колючего «перекати-поля», ветер судьбы гнал его по пескам и каменистым предгорьям. Он любовался величественными зданиями Багдада и Севильи, предпринял хадж в благословенную Мекку, где совершил все обряды, положенные мусульманину, и поклонился затем могиле Пророка Мухаммада в Медине, до сих пор испытывая восторг от прикосновения к великим святыням.

Мирзо Якуб Худжанди слыл знатоком Корана, мог наизусть часами произносить его суры, владел каллиграфией арабского письма и был знаком с творениями лучших мыслителей Востока. Он был известен также как почитатель сочинений великих поэтов прошлого, и никто не знал наизусть больше него волнующих строк несравненного Рудаки.

Просвещенного странника везде принимали с почётом, и повсюду он мог жить безбедно, но жажда познания, которую в душе именовал «пороком тщеславия», побуждала его скитаться по миру, в надежде оказаться свидетелем великих потрясений и описать

их. Мирзо Якуб Худжанди был известен во многих мусульманских странах, а ему ещё хотелось навечно остаться в памяти последующих поколений. Иными словами, он считал себя не ниже дервиша Рахима Багдади или китайского мыслителя Елю Чуцая, которым посчастливилось жить во время походов Потрясателя Вселенной, непобедимого Чингисхана и оставить воспоминания о его деяниях.

Дервиш Мирзо Якуб Худжанди за свои семьдесят вёсен видел много войн, встречался с завоевателями, которые стремились проложить мечом дорогу к Последнему морю, но всякий раз убеждался, что принимал желаемое за действительное, ибо не было в его дни воителя, равного зеленоглазому монгольскому кагану. Эти мысли угнетали согбенного от прожитых лет дервиша сильнее дум о неизбежной смерти. И хотя Мирзо Якуб Худжанди надеялся на скромное место где-нибудь в удалённом уголке райского сада, всё-таки жаль ему расставаться с этим миром, не выполнив своего жизненного предназначения. Да и что ему делать в том райском саду? Тщедушный, с седой козлиной бородкой и выцветшими глазами, разве мог он пленить тамошних гурий? И, конечно же, там нет великих потрясений и переделов мира, нет грозного воителя, от одного имени которого дрожь охватывала племена и народы. И о чём тогда писать в райских садах ему, просвещенному дервишу, и кто будет вспоминать о нём среди таких же странников, снедаемых жаждой увидеть необыкновенное?

В глубокой юности оставил Мирзо Якуб родной Худжанд, пустившись в погоню за неведомым, а не за суетными наслаждениями, и, похоже, прогадал. Ибо люди с большей охотой внимали сказкам «Тысячи и одной ночи» нежели рассуждениям о праведности и воздержании. Почти шесть десятилетий проскитался он по земной шире и вернулся в Худжанд в надежде осесть там и встретить последний час смиренно и без ропота. Но услышал, что в Самарканде воцарился эмир хитрый и коварный, жестокий и невероятно честолюбивый. И снова дервиш Мирзо Якуб Худжанди вскинул на плечи полосатый хурджин, впитавший в себя пыль многих дорог и выжженный зноем до белизны, и поплёлся в город, считающийся главным во всей Средней Азии. Что, если это новый

Чингисхан? Быть может, удастся приблизиться к нему, и тогда тростниковое перо любознательного дервиша поведаёт последующим поколениям об удивительных событиях и свершениях, достойных легендарных богатырей Зала и Рустама.

Самарканд встретил дервиша гулом и суетой, присущих всякому большому городу. Мирзо Якуб бродил по его улицам и огромному базару, распевая хадисы, священные предания о жизни Пророка Мухаммада, и протягивал встречным кашкуль, чашу для подаяний, сделанную из половинки кокосового ореха. Отполированная руками дервиша до сверкающей черноты, чаша свидетельствовала о долгих странствованиях. В неё бросали пирожные, горсть кишмиша или сухого урюка, а то и немного пышущего жаром, ароматного плова, этого излюбленного на всём Востоке угощения. Подаяний хватало дервишу для пропитания, да его высохшему телу и не требовалось большего. Белые штаны и рубаха, изношенные до тонкости кисеи, ветхий плащ с множеством разноцветных заплат, остроконечный колпак на голове и сапоги с прорехами, но на толстой подошве, вот и всё его достояние. Правда, в хурджине хранилось то, чем дервиш дорожил больше жизни: немного бумаги и чернильница с пером.

Мирзо Якуб Худжанди бродил по Самарканду и прислушивался к разговорам ремесленников, беседам степенных купцов с покупателями и замечал, что все они толковали об одном. Грозный Тимур, прозванный Тамерланом, (Тимури лангом, хромым Тимуром), занимал их воображение. Он пришёл в Самарканд как правитель, а теперь вся Средняя Азия признала его главенство. Эмир собирал большую армию и вооружал её, а такое занятие не для того, чтобы воины томились в безделье у крепостных ворот и играли в кости

Мирзо Якуб бывал когда-то в Самарканде, много десятилетий назад, но теперь город был неузнаваем. Он отгородился от мира мощными стенами, по их верху ходили стражники, тяжёлые, кованые ворота могли отворить лишь десять человек. Мастера-оружейники дни и ночи проводили у пылающих горнов. Изготавливали доспехи, мечи и сабли, наконечники для копий, щиты и стрелы. Кожевники тачали сёдла и конскую сбрую, шили во множестве сапоги, ткачи неутомимо громыхали станками,

производя прочные ткани, пригодные для воинской одежды. По улицам города расхаживали вооружённые патрули, останавливали не раз даже старого дервиша и подвергали допросу: кто он, откуда, и даже заглядывали в ветхий хурджин, чего не было ни в одной стране мира. Из всего этого странник сделал два важных для себя вывода: Тамерлан готовится к большому походу и опасается за свою жизнь. А такие люди отличаются подозрительностью и большой свирепостью. И Мирзо Якуб Худжанди ещё раз возблагодарил Всевышнего за то, что тот продлил его жизнь до этих дней и дал возможность увидеть приготовления к войне, которую, быть может, удастся описать.

На базаре дервиш, как правило, отдыхал у дальней стены, прикрыв глаза и погрузившись в раздумье. Но его и тут находили простые горожане. Кому-то нужно было написать письмо родным, а кто-то подаёт жалобу судейским чиновникам на несправедливость и обиды. Мирзо Якуб толково излагал все пожелания на бумаге, и самаркандцы, глядя, как проворно бегаёт тростниковый калам по глади листка, дивились мудрости и учёности святого человека.

Как-то Мирзо Якуб брёл вдоль торговых рядов, пробиваясь сквозь толчею покупателей. Шум, вопли и перебранки оглушали его. Он тянул привычное «Я-ху-у, Я-ха-а-к» (Аллах наш светоч, и нет превыше его), и опирался на длинный гладкий посох, ставший неизменным спутником дервиша в его кружениях по свету.

– Эй, странник, – окликнул его дородный, краснощёкий купец, борода которого была выкрашена хной. Он навалился животом на рулоны узорчатой ткани и рукой манил к себе дервиша. На Востоке говорят: «Иди к зовущему и не дожидайся, когда тебя попросят уйти». Мирзо Якуб всегда следовал этому правилу. Он отворил дощатую дверь и окунулся в полумрак лавки.

– Садись, – предложил купец. – Отдохни, выпей чаю.

Дервиш произнёс короткую молитву оба и купец, и он сам провели руками по лицам в знак покорности Всевышнему.

Мирзо Якуб Худжанди съел небольшой кусок лепёшки и немного изюма, отхлебнул из пиалки чая и вопросительно поглядел на степенного купца.

– Угощайся, – снова предложил тот, но дервиш отрицательно помотал головой.

– Воздержание угодно Аллаху, – коротко откликнулся он.

Купец неторопливо пил чай и разглядывал высохшего и загорелого до черноты эбенового дерева странника.

– О твоей святости много говорят, – сказал он и важно разгладил ладонью густую, с красноватым отливом бороду. Белоснежная чалма венчала голову купца, халат из дорогой ткани и сама лавка, забитая товарами доотказа, говорили о его зажиточности.

– Лишь Всевышнему дано судить о грехах и достоинствах каждого из нас, – неопределённо отозвался дервиш.

– Но ещё больше толкуют о твоей учёности, – продолжал купец, не обратив внимания на реплику Мирзо Якуба. – Я вот зачем позвал тебя. Мы, самаркандские купцы, хотим подать жалобу светлейшему эмиру на его воинов. Их много, и они ведут себя в городе, как хозяева. Заходят в наши лавки, отбирают себе самое лучшее и уходят, не заплатив. Я – старейшина у торговцев тканями, и они попросили меня искать защиты у нашего правителя. Нет сил терпеть дальше насилие воинов. Можешь ли ты написать такое письмо?

– Аллах наградил меня умением излагать слова на бумаге, – скромно ответил Мирзо Якуб Худжанди. – Но дойдёт ли жалоба до светлейшего эмира и достигнет ли она цели? Всё зависит от того, кто ему дороже: воин или купец?

Толстощёкий купец задумался.

– Думаю, что сейчас мы, купцы, для него важнее. Он указывает нам, какие товары привезти и настаивает, чтобы мы приводили караваны, как можно скорее. Без этого ему не собрать большую армию ... Да, пока мы, – снова повторил купец. – Конечно, время изменчиво и, когда наш правитель отправится в поход, тогда он будет больше ценить воинов ...

Так напишешь ли ты такую жалобу? Сумеешь ли найти такие слова, чтобы светлейший эмир вник в наше положение? Я щедро вознагражу тебя.

Мирзо Якуб покачал головой в знак несогласия.

– В моей жизни нет места корысти и чревоугодию. Я служу истине и, если она на твоей стороне, ты не расскаешься, что обратился именно ко мне. Что же касается оплаты, то не всегда надо

сулить большие деньги. Меня устроит маленький зелёный лепесток от раскидистого дерева твоей щедрости.

Излагай, что бы ты хотел донести до глаз и слуха самого светлейшего Тимура, да будут ему дарованы могущество и процветание.

Купец с чувством и горечью в голосе стал излагать все обиды, которые чинили торговцам эмирские воины, а дервиш записывал их аккуратным столбиком. И когда обладатель огненной бороды замолк, стал быстро набрасывать прошение грозному Тамерлану. Купец с почтением глядел на работу высоко учёного странника. Строки арабской вязи красиво расположились на желтоватом листе.

– Готово, – промолвил Мирзо Якуб и подал жалобу купцу. Тот внимательно рассмотрел её, то близко поднося к глазам, то отдаляя от них, затем медленно, выделяя каждое слово, прочитал и прищёлкнул от восхищения языком.

– Воистину, нет предела учёности, – промолвил он со вздохом. – Я отдам это письмо лекарю, почтенному Нухиму бен Яхуду, а он собственноручно вручит его светлейшему эмиру и даже прочитает ему. Ведь наш повелитель, – краснобородый торговец хотел сказать, – не утруждает свои глаза чтением прошений и не снисходит до стенаний своих подданных, хотя грамотен и чтит заветы Пророка. Да приумножится его мудрость с истечением веков, – продолжил купец, – только, к сожалению, он не всегда следует заветам ... – тут купец остановился и зашёлся в долгом кашле. – Ведь наш повелитель так занят, что у него нет времени даже заглядывать в такие вот жалобы, – нашёлся купец и даже заулыбался в восторге от своей сообразительности.

– Нет предела моей благодарности дервиш, – купец извлёк из-под прилавка кожаный мешочек, туго набитый монетами, и запустил в него руку. Ухватил три монеты, и по мере того, как показывались пальцы, монеты выскользывали из них одна за другой. Наконец, в руке осталась только одна, и купец со вздохом увидел, что показалась золотая, а не серебряный дирхем, как он рассчитывал. Засопел и протянул монету Мирзо Якубу.

– Вот тебе награда. Я думаю, ты купишь на неё что-нибудь в моей лавке. Вот великолепный кумган из меди, он пригодится тебе в пути.

Но дервиш отклонил любезное предложение щедрого купца, и, поблагодарив его, вышел в залитый солнцем проулок. Он думал о том, что неизвестный ему лекарь Нухим бен Яхуд бывает часто в эмирском дворце, а вот как простому дервишу попасть туда и удостоиться беседы с самим Тамерланом? На этот вопрос ответа не находилось, и Мирзо Якуб брёл по пыли, привычно распевая строки священного Корана. Он и не подозревал – насколько близок к осуществлению своего замысла, и что с этого дня его имя стало прокладывать себе дорогу в память грядущих потомков ...

Дня через три старого дервиша остановили четверо стражников у ворот самаркандского базара. Старший из них обвёл Мирзо Якуба выпуклыми, как у быка, глазами и грубо осведомился.

– Это ты писал жалобу купца великому и могущественному эмиру? Дервиш оглядел стражников. На их лицах проглядывала обычная тупость, но не было нетерпения, того самого, за которым обычно следуют оскорбления и побои. Стало ясно, опасаться нечего. И Мирзо Якуб с достоинством произнёс всего лишь одно слово: – Я. Стражники схватили его за руки и поволокли к эмирскому дворцу. Мирзо Якуб часто перебирал ногами, стараясь поспевать за ними. В его памяти всплыли строки поэта Саади Ширази: «О, моя судьба! Ещё вчера я гнал тебя перед собой, и ты была послушна моей воле. А сегодня ты тащишь меня по колючкам и рытвинам, и нет у меня сил противостоять твоим нападкам. Так кто из нас хозяин?!»

Старший воин рывком отворил резную дверь и втолкнул Мирзо Якуба внутрь дворца, успев при этом бросить стражникам.

– Не уходите. Может быть, нужно будет отрубить голову этому старому ишаку.

Дервиш похолодел. Старший воин заволок его просторный зал и бросил, как мешок, у входа.

– Ступай! – послышался чей-то резкий голос, и воин исчез, прикрыв за собой дверь.

Мирзо Якуб приподнялся на корточках и с трудом перевёл

дыхание. Он увидел перед собой ... Мы расскажем потом его словами о том, какое впечатление произвёл на него самаркандский правитель, а пока просто воспроизведём дальнейшие события.

– Сядь вон там, на одеяла, – распорядился Тимур. – Ты стар и не пристало тебе жаться у входа.

Покряхтывая, дервиш добрался до стопки узких одеял и устроился на них, поджав под себя ноги. Готовясь к худшему и всё-таки надеясь на лучшее, он пробормотал короткую молитву и провёл по лицу руками.

– Ты писал письмо купцу Давлатбаю? – осведомился Тимур, садясь на одеяла напротив.

– Я, государь, – ответил дервиш с поклоном. – Простите, я не знал, что делаю недозволенное. Я прибыл из далёкого Багдада, и здешние порядки мне неизвестны.

Тимур усмехнулся.

– Ты ничего не нарушил. Каждый из моих подданных имеет право обращаться ко мне с жалобой или прошением. Мне понравилось, как написано письмо: умно и содержательно. Потому я и велел отыскать тебя и привести ко мне. Стражники перестарались, доставляя тебя сюда. Воистину: кто имеет медный щит, тот имеет медный лоб.

Скажи, в каких странах тебе довелось побывать?

– Во многих, светлейший эмир, – уклончиво ответил Мирзо Якуб. Противник всякого насилия, он не хотел, чтобы война обрушилась на те государства, по землям которых некогда пролегал его путь. В Персии и Индии, знойной Аравии и холодной Московии ...

– Вот как, задумчиво протянул эмир. – Я найду время, и ты расскажешь мне об этих странах.

– Я к вашим услугам, государь.

– Но позвал я тебя не только за этим, – продолжал Тамерлан. – Ты можешь совершить для меня великое дело.

Дервиш поклонился и прижал руки к груди в знак готовности оказать эмиру любое содействие, которое только будет в его силах. Он ждал продолжения разговора, но Тимур молчал, целиком погрузившись в собственные мысли. Явственно прозвучали в

сознании слова арабского мыслителя Аль-Фараби, писавшего: «Тростниковое перо могущественнее меча. Через триста, пятьсот, тысячу лет нас будут знать такими, какими нас опишут те, кто владеет искусством слова».

– Вот что, – нарушил молчание Тамерлан. – Я задумал великие дела, и наши потомки должны будут знать о них во всех подробностях. О них будут писать мои придворные летописцы. Они уже придумали название будущей книги: «Зафар-нома» («Книга о победах»). Но всякий придворный служитель устроен так, что лесть становится движущей силой его усердия. Они будут чрезмерно восхвалять мои деяния, небольшие успехи подавать как блистательные достижения, и истина потонет в потоке красивых слов. Это неизбежно, и как бы я ни приказывал писать правду, всё равно она отразится в кривом зеркале их показных стараний.

Мне нужен другой человек, честный и прямодушный, владеющий пером лучше придворных лизоблюдов. Такого человека я вижу в тебе. Ты стар и не гонишься за высокими должностями. Ты смел, написал на моё имя жалобу купца, хотя осознавал, если она вызовет мой гнев, то он обрушится и на твою голову. Ты многое видел и многое знаешь. Тебе есть с чем сравнить сегодняшний день и сделать верные выводы. Я хочу, чтобы ты стал ещё одним моим летописцем. Но не придворным. У тебя будет хижина на окраине Самарканда, ты будешь получать достаточно денег, чтобы ни в чём не нуждаться, и станешь описывать мои деяния без лести и искажений. Такими, какими ты их видишь. Пиши смело, тебе ничто не грозит. И тогда наряду с придворными летописями будет ещё одно летопись дервиша, для которого поводом станет истина.

По силам ли тебе такая задача? Возьмёшься ли ты за неё? Иногда я буду приглашать тебя во дворец, и ты будешь читать мне свои записи. И тогда я увижу, каков я в глазах народа.

Дервиш слегка раскачивался на одном месте.

– Государь, вы оказываете мне великую честь, – заговорил он нараспев. – Много лет ветер странствий гнал меня по дорогам ближних и дальних стран. Одна была у меня цель: стать свидетелем грозных событий и описать их, погружая тростинку

умения в чернильницу правды. Да, я стар, я уже вижу закат моих дней, но у меня останется сил довести до конца великий труд правдивого повествования. Вы хотите призывать меня во дворец, чтобы я читал свои записи? Но смогу ли я это сделать, лишившись головы?

Тамерлан изумлённо поглядел на Мирзо Якуба, а когда понял потаённый смысл его слов, то громко рассмеялся.

– Ты хочешь сказать, услышав нелестные отзывы о себе, я могу разгневаться и наказать тебя? Не бойся, святой странник, я бываю несдержанным, но не настолько, чтобы утрачивать разум.

Мирзо Якуб решился и довёл свою мысль до конца.

– И всё-таки я не хотел бы читать вам свои записи. Зная, что я должен буду предстать перед вами, я невольно буду искажать истину. Так уж устроен человек. Мне бы не хотелось этого. Может быть, вам будет достаточно знания, что есть где-то человек, который будет писать о вас без лести, выполняя своё предназначение в этом мире? И когда-нибудь на чашу весов истории лягут, с одной стороны, творения придворных летописцев, а с другой, мои скромные записи. И время само рассудит, какое из этих свершений правдивее и ценнее для него.

Поглаживая рукой небольшую, остrokонечную бороду, Тимур пристально глядел на дервиша. Ему понравилось, что этот старый, высохший от прожитых долгих лет, странник отказывается от последующих встреч с ним, боясь исказить подлинную картину событий. Далёко не каждый так же поступил бы на его месте. Значит он, Тимур, потомок барласских ханов, может быть уверен в том, что хотя бы один человек скажет о нём правду, какой бы горькой и неприятной она ни была.

– Хорошо, – сказал Тамерлан. – Говори, какие у тебя есть просьбы?

Его зелёные, лишённые искристости, глаза в упор смотрели на Мирзо Якуба Худжанди, но тот спокойно выдерживал тяжёлый, сверлящий взгляд эмира.

– У меня есть просьба, государь, – ответил дервиш. – Вы требуете, чтобы я не разлучался с истиной, а сами хотите посадить меня в золотую клетку своих благодеяний. Зачем мне

нужны хижина и деньги? Тогда я вольно или невольно попаду в зависимость от вас. Я прошу: позвольте мне и дальше жить так, как я жил до сих пор. Мне не нужно многого, всё, в чём я нуждаюсь, мне дают люди. И чем я становлюсь старше, тем щедрее их подаяния. У нас, у каждого свой путь и не нужно, чтобы они часто пересекались.

Забудьте обо мне, и тогда я буду писать свободно и правдиво. Летописец должен быть уверен, что никто не склонится над ним и не прочитает из-за его плеча строки, порождённые разумом и чувством справедливости.

Тамерлан удивлённо покачал головой.

– Будь, по-твоему, дервиш. И да пошлёт тебе Всевышний долгие лета жизни. Я впервые встречаю такое бескорыстие. Постараюсь не вспоминать о тебе. Но, может, когда-нибудь ты мне понадобишься, и тогда я призову тебя. Может, случится так, что и тебе потребуется встреча со мной. Где бы я ни был, и чем бы ни занимался, приходи смело.

Мирзо Якуб недоверчиво усмехнулся.

– Разве может мелкая пташка подняться до тех высот, на которых парит орёл?

– Я понял тебя, дервиш.

Тамерлан взял с низенького, покрытого лаком, столика продолговатую золотую пластинку и протянул её Мирзо Якубу.

– Это пайцза, свидетельство приближённости ко мне. На ней изображён летящий сокол. Значит, ты принёс важные вести. Покажешь пайцзу страже, и тебя пропустят во дворец в любое время дня и ночи. Если ты будешь в пути, то правитель любого города, находящегося в моей власти, окажет тебе помощь всем необходимым: деньгами, одеждой, лошадью. Если встретишься с воинами, они защитят тебя и выполнят твоё пожелание. Выше этой пайцзы только золотая пластинка с головой разъярённого тигра, но такие имеют только военачальники. Тебе она не нужна.

Они долго смотрели друг на друга: седой, согбенный дервиш и эмир, находящийся в самом расцвете сил и преисполненный честолюбивых замыслов.

– Прощай, – сказал Тамерлан, – пути Всевышнего неисповедимы, и кто знает, что сулит нам грядущее. Мы встретились с тобой один

раз, не исключено, что будут и другие встречи.
Дервиш благословил эмира, и они расстались. Taryhy proza